

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.133.1'42:327

ББК ШП47.11-51+ШП47.11-006.21

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.05

А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова
Пятигорск, Россия

Г. В. Попова
Астрахань, Россия

РЕЛЕВАНТНОСТЬ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ РОССИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются дискурсивные особенности жанра парламентского доклада, раскрываются имплицитные механизмы воздействия на получателя информационного сообщения, анализируется французский парламентский дискурс, содержащий оценки отношений России, Франции и Евросоюза, предшествовавшие украинскому кризису. В статье выводятся понятия релевантного смысла сообщения, вектора релевантности воздействующего дискурса и другие составляющие методики критического дискурсивного анализа. Под релевантностью и релевантным смыслом политического дискурса понимается тот перформативный эффект в смыслообразовании, который создается различными эксплицитными и имплицитными языковыми и речевыми средствами и вытекает из неявного, имплицитного, суггестивного «подсмысла», подтекста речевого высказывания и дискурса. Пропозициональное содержание парламентского доклада заключено в рамки концентроров, окружающих его информативное ядро: аргументативного, эмоционально-оценочного и риторического (собственно дискурсивного). Такое представление условно разделяет неделимые в употреблении, синкретично выражаемые значения, которые в совокупности и определяют тональность дискурса, его релевантность и перформативный потенциал. По мнению авторов, тональность доклада определяется его релевантными смыслами, т. е. имплицитными сигналами, позволяющими суггестивно воздействовать на аудиторию. Совокупность этих сигналов, скрытых за объективностью разностороннего анализа, составляет перформативный эффект дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парламентский дискурс; французский парламентский дискурс; воздействие информационного дискурса; вектор релевантности; релевантный смысл; смыслообразование в политическом дискурсе; критический дискурсивный анализ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Алферов Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, директор научно-исследовательского центра интеракционной лингвистики и институционально-правовой коммуникации, Пятигорский государственный лингвистический университет; 357532, г. Пятигорск, пр-т Кирова, 63; e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кустова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный лингвистический университет; 357532, г. Пятигорск, пр-т Кирова, 63; e-mail: lenakustov@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Попова Галина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей, Астраханский государственный технический университет; 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 16; e-mail: pebble2406@mail.ru.

Сегодняшний политический дискурс в пространстве международного сотрудничества пронизан противоречивостью 2010-х гг. с возросшими угрозами, вооруженными конфликтами, государственными переворотами, нестабильностью межгосударственных институтов, межконфессиональными противоречиями, экономическими потрясениями, терроризмом, мотивированной и немотивированной миграцией и проч. Осознание этих процессов требует формирования нового политического мышления, которое позволит мировому сообществу ответить на все вызовы и сохранить свою жизнеспособность. Политический дискурс выступает в этом процессе инструментом, орудием, которое способно либо сохранить, либо нарушить столь

хрупкое равновесие постоянно балансирующей социополитической реальности.

Как известно, мышление, в том числе и политическое, основывается на когнитивных схемах, или моделях, определяющих принятие решений и поведение в деятельностном пространстве социума. Доля языкового сознания в концептуальной картине мира в той же степени велика, в коей мышление вообще связано с языком [Пинкер 2009: 73]. Политические институты, причастные к созданию таких когнитивных схем, должны нести полную ответственность за последствия формирования определенного ментального стереотипа, используемого в той или иной риторике. Усиливающееся в Европе противостояние России и Запада «подогревается»

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-04-00029).

© Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. В., 2015

различного рода дискриминационными дискурсами, во многом инспирированными и оплаченными теми, для кого Европа, вслед за другими горячими точками, становится некоей шахматной доской с разворачивающимися на ней далеко не бескровными баталиями. Найти выход из создавшейся обстановки информационно-политической конфронтации можно, лишь проанализировав сложившиеся концептуальные схемы, поняв их внутренние связи и механику их формирования. Ключом к пониманию может стать критический дискурсивный анализ (КДА — Т. ван Дейк), призванный «защитить интересы тех, против кого направлены современные дискриминационные дискурсы» [Dijk 1991].

Можно ли сравнивать дискурс о России западных элит с расистским дискурсом, который изначально был предметом КДА? Как отмечает Т. ван Дейк, «в более широком смысле, идеологический дискурс „ин-группы“ обычно с помощью различных присущих ему средств акцентирует позитивные качества „нашей“ группы и ее участников, а также (предполагаемые) негативные характеристики „других“, „аут-группы“» [Дейк 2013: 23]. Россия, как бы близко ни подходила к Западу, всегда оставалась «в глазах» и дискурсе элит, а следовательно, и в сознании европейского обывателя в центре «другого мира», не «первого», а всего остального — «второго», «третьего» и т. д. При этом КДА исследует взаимодействие между дискурсивными и социальными структурами не просто как «корреляционное или каузативное взаимодействие», а как «сложный социокогнитивный процесс, включающий в себя ментальные модели и другие когнитивные репрезентации» [Там же].

Еще до эскалации информационной войны, связанной с украинским кризисом, существовали признаки концептуально-дискурсивного дистанцирования европейских элит от России, что отмечалось многими исследователями [Чудинов 2001; Пищева и др. 2010]. Накануне политического кризиса на Украине, 12 февраля 2014 г., французская Национальная ассамблея (ФНА) публикует информационный доклад «О политике ЕС и Франции в отношении России», в котором выстраивается определенный подход к анализу политического, социального и экономического положения России как *intra muros*, так и *extra muros*, т. е. ее внутреннего состояния и статуса в мировом сообществе. Докладчиками выступили Шанталь Гитэ (Chantal Guittet) и Тьерри Марьяни (Thierry Mariani) — депутаты Национальной ассамблеи, — однако в ходе подготовки были привлечены эксперты разного уровня по разным

областям знания и социополитической практики: профессора Ж. Р. Равио (Jean-Robert Raviot), Ж. Веркёй (Julien Vercueil), П. Маршан (Pascal Marchand), А. Катэб (Alexandre Kateb) и др.; дипломаты и общественные деятели Ж. П. Шевенман (сенатор, представитель Франции в России), посол Франции в России Ж. де Глиниасты (Jean de Gliniasty), А. Гросс (Совет Европы), А. Нердрум («Amnesty International»), О. Готье («Human Right Watch») и др. Консультантами выступили и представители российской стороны: посол России во Франции А. Орлов, депутаты Думы и Совета Федераций А. Пушков, Л. Слуцкий, А. Климов и др.

Таким образом, состав экспертов более чем представительен и свидетельствует о компетентной научно-практической базе аналитического доклада (Rapport d'information) о России, представленного Комиссией по международным делам (КМД) французской Национальной ассамблеи.

Однако база данных — это еще не исследование. Любое научное изложение основано на интенции его автора, которая программирует интерпретацию собранных данных. В этом смысле аналитический доклад существует как текст и как дискурс. Текст (документ) имеет структуру, обладает характеристиками семантической когерентности, логической последовательности, фактуальности и не лишен аксиологических импликаций и субъективности в изложении и выводах. Процесс представления доклада в рамках парламентской коммуникации (в нашем случае — на заседании парламентской комиссии по международным делам) сопровождается комментариями докладчика (-ов), в которых, в частности, раскрывается и подчеркивается интенциональная направленность изложения.

Рассмотрим этот тип парламентского дискурса в двух его ипостасях — текстовой [Assemblée Nationale-2014] и процессуальной (заседание КМД 12.02.2014) [Assemblée Nationale-2014a].

Жанр информационного доклада — это особая составляющая дискурса парламентской коммуникации. Он позволяет максимально объективно преподнести «непредвзятое» видение той или иной проблемы. Однако факты, хоть и «упрямая вещь», идут туда, куда их ведут. В отношении многих ученых-экспертов со стороны политических элит подчас существует заказ: «Помогите нам понять, что происходит, но не говорите того, чего мы не хотим слышать» [Wolton 1997: 254].

Для проникновения в процесс формирования концептуальной модели России в европейском политизированном мышлении

проанализируем языковые механизмы, используемые в этих целях.

Дискурсивное пространство рассматриваемого доклада можно представить в виде семантического поля с включенными в него центрами, условно обозначающими уровни его реализации, располагающиеся между взаимодействующими центром и периферией [Алферов 2007]. К центру относится эксплицитно выраженная фактуальная информация, представляющая пропозициональную составляющую информационно-аналитического дискурса, и уже на уровне ее формирования можно говорить об интенциональности дискурса, выражающейся в номенклатуре и последовательности приводимых фактов — то, что можно назвать «тональностью» дискурса [Кустова, Попова, Червоный 2014]. Пропозициональное содержание заключено в рамки концентров, окружающих информативное ядро: аргументативного, эмоционально-оценочного и риторического (собственно дискурсивного). Такое представление условно разделяет неделимые в употреблении, синкретично выражаемые значения, которые в совокупности и определяют тональность дискурса, его релевантность и перформативный потенциал. Под релевантностью и релевантным смыслом политического дискурса нами понимается тот перформативный эффект в смыслообразовании, который создается различными эксплицитными и имплицитными языковыми и речевыми средствами и вытекает из неявного, имплицитного, суггестивного «подсмысла», подтекста речевого высказывания и дискурса [Алферов 2004, 2005].

Тональность и вектор релевантности [Попова 2004] рассматриваемого доклада Национальной ассамблеи выражены прежде всего номинациями разделов, глав и параграфов, которые, как и все заголовки, имеют характер однофразовых текстов и могут выступать в рамках одного речевого произведения как релевантный когерентный дискурс [Кустова 2010].

Так, три раздела, на которые поделен доклад, несут такие формулировки:

- I. «Россия: стабильная держава, несмотря на вопросы, которые она вызывает» (*La Russie: une puissance stable, malgré les interrogations qu'elle suscite*).
- II. «Россия и Евросоюз: соблазн развернуться спинами?» (*Union Européenne et Russie: la tentation de se tourner le dos?*).
- III. Франция и Россия: оживить политическое партнерство (*La France et la Russie: un partenariat politique à relancer*).

Нетрудно заметить дихотомичность формулировок и, как следствие, противопоставление в оценочной тональности, которая

маркирует релевантный смысл номинаций (импликации): «стабильная, но вызывает вопросы», т. е. *'сомнительная'*; «соблазн развернуться спинами», т. е. *'предельная степень разногласий'*; «оживить политическое партнерство», т. е. *'отношения оставляют желать лучшего'*. Как и главы, параграфы доклада, выступающие как однофразовые тексты, построены по тому же принципу, и в их совокупной тональности преобладает не отрицательный, а скорее скептический вектор, выражаемый в следующих посылах: стабильность России обеспечена либо территорией, доставшейся от царской империи (*L'héritage de l'empire des tsars, le territoire*), либо приобретенным в советское время статусом сверхдержавы, сохраняющей ядерный паритет с США (что, как правило, пугает европейского обывателя) (*La parité de l'armement nucléaire stratégique avec les États-Unis; La puissance militaire?*). Причем военная мощь сверхдержавы ставится под сомнение. На первое место выдвигается международное значение России в победе 1945 г. (*Le statut international hérité de la victoire de 1945*), но это почему-то трактуется как *'доставшееся по наследству'*, а не завоеванное раз и навсегда. Итак, все значимое в статусе России относится к прошлому и в определенной степени противопоставляется настоящему. В этой дихотомической структуре доклада адресату «нужно» видеть, с одной стороны, противоречивость внешней и внутренней политики самой России, а с другой — объективность разностороннего анализа, содержащегося в докладе.

Процесс представления доклада на заседании Комиссии по иностранным делам ФНА начинается с реплики ее председателя г-жи Элизабет Гигу (Elisabeth Guigou) о своем предстоящем визите в Госдуму России:

Quelles que soient les appréciations que nous pouvons porter sur la Russie et ses positions sur certains dossiers d'actualité, qu'il s'agisse de l'Ukraine ou de la Syrie, ce pays demeure un partenaire clé... [Assemblée Nationale-2014a] / Каковы бы ни были наши оценки России и ее позиции по некоторым актуальным вопросам, будь то Украина или Сирия, эта страна остается одним из ключевых партнеров...

В пресуппозиции этого высказывания трудно не опознать речевой акт уступки — «несмотря на существующую отрицательную оценку...». Но, как известно, главным свойством пресуппозиции является ее особый логический статус: ее нельзя оспорить, и то, что выносится в пресуппозицию, часто несет более релевантный «месседж», чем сама пропозиция высказывания. Поэтому

рассматриваемый речевой ход может быть интерпретирован и как утверждение о факте (бытийном статусе) отрицательной оценки России, и как косвенный речевой акт извинения за «возможную положительную оценку».

На наш взгляд, ключом для понимания особенностей концептуализации России во Франции и в Европе является самая первая посылка доклада: *Selon une formule du président russe Vladimir Poutine prononcée en 2005, « l'effondrement de l'URSS a été la plus grande catastrophe géopolitique du XXème siècle [Assemblée Nationale-2014] / По утверждению президента России В. Путина, сделанному в 2005 году, „крушение СССР было самой большой геополитической катастрофой XX века“.*

Отметим особый дискурсивный статус этого высказывания (преамбулы), содержащего вводную пропозицию к тексту доклада. Как и эпиграф, она задает интенциональный вектор в понимании последующего изложения, т. е. вектор релевантности интерпретации. Релевантный смысл рассматриваемой дискурсемы (единицы дискурс-анализа) состоит в противоречивости оценок самого факта распада СССР в России и на Западе, а ответственность за это несет персонально президент Путин.

Доказательством «объективности» анализа должно служить уточнение содокладчицы г-жи Ш. Гитэ о результатах ее «полевого исследования» в России: *Plus généralement, nous présentons dans le rapport un certain nombre de sondages qui montrent bien que les Russes restent en majorité attachés à leur président et à un système assez autoritaire. Dans un choix entre le système soviétique, le régime actuel et la démocratie à l'occidentale, c'est même le premier qui reste préféré par les sondés, tandis que la démocratie vient en dernier... [Assemblée Nationale-2014a] / В целом представленные в докладе результаты опросов показывают, что большинство россиян солидарны со своим президентом и поддерживают довольно авторитарную систему управления. В выборе между советской системой, сегодняшним режимом и западной демократией опрашиваемые отдают предпочтение именно первому, оставляя демократию на последнем месте...*

Каковы же фактуальная пропозиция доклада, интенциональность которой состоит в подчеркивании объективности анализа, и релевантный смысл ее возможной интерпретации, который опирается на простые логические импликации?

Первое, как было отмечено, это факт стремления России оставаться великой

державой, который определяет векторы интенциональности (кодирование) и релевантности (интерпретация) изложения.

Традиционным фактом, не вызывающим сомнений, является обладание Россией природными ресурсами, прежде всего энергетическими. Это и является чуть ли не единственным источником ее благосостояния, на котором держится экономика страны (*Un facteur déterminant: la dépendance à la rente énergétique*). Однако это достаточно нестабильный источник ввиду непредсказуемости рынка энергоносителей, в частности, благодаря развитию угольного экспорта из США, позволяющего заменить русский газ на французских АЭС.

В докладе указывается, что Россия достигла определенных успехов. Но они нестабильны:

– достаточно солидная финансовая система, **НО** «еще не зрелая» (*Un système financier assez solide, bien que pas encore «mature»*);

– благодаря политике государства увеличилась рождаемость — факт, который в значительной степени определяет сильный экономический рост (*Le redressement de la natalité dans la décennie 2000 s'inscrit dans un contexte de croissance économique forte*), **НО** «не имеет шансов на продолжение, так как теперь будущие матери принадлежат поколению „пустых классов“ 90-х» (*...a peu de chances de l'être dans les années qui viennent, où les jeunes femmes en âge d'avoir des enfants seront issues des «classes creuses» des années 1990*);

– Путин и Медведев нацелены на амбициозные планы (*«plan gouvernemental de performance 2018» comportant des orientations et des objectifs très ambitieux*), **НО** заявления такого же толка делались и в предыдущие годы и «не имели большого эффекта» (*des plans de même nature avaient été présentés solennellement et suivis de peu d'effets*);

– власть пользуется поддержкой большинства граждан (*Un régime qui garde l'appui de la majorité des russes*), **НО** только благодаря приверженности русских к «консервативным ценностям» и пренебрежению к «демократическим ценностям» (*le conservatisme et la relative indifférence aux valeurs démocratiques*), жесткому политическому режиму (*le durcissement du régime*), преследующему борцов за права человека (*Le harcèlement des défenseurs des droits humains*).

Кстати, последнее утверждение полностью противоречит словам, произнесенным 18 декабря 2013 г. экономическим советником Франции в России Ж. П. Шевенманом о том, что россияне «вполне свободно выра-

жают свое отношение к существующей власти» (*Quoi qu'il en soit, les Russes s'expriment très librement sur le pouvoir en place*) [Assemblée Nationale-2013].

Есть и другие противоречия в фактуальном (пропозициональном) и аргументативном аспектах рассматриваемого доклада. Перспективы взаимоотношений России и Европы докладчики оценивают в очень пессимистическом тоне, упоминая о «некотором мнении» существования «политической пропасти» между Россией и ЕС, о потакании российскими руководителями «националистическому общественному мнению», противопоставлению «русских и западных ценностей»: *Certaines prises de position des uns et des autres, dans l'actualité la plus récente, laissent penser qu'il existe un fossé politique et surtout culturel entre l'Union européenne et la Russie. Les leaders d'opinion (intellectuels, journalistes) ont en majorité, en Europe occidentale, une position très critique sur la Russie contemporaine. Quant aux dirigeants russes, ils flattent à peu de frais une opinion publique assez nationaliste en opposant les valeurs russes à celles de l'Occident...* [Assemblée Nationale-2014].

В докладе признается негативное влияние на взаимоотношения фактора расширения ЕС и НАТО на восток, но это, оказывается, не так страшно по сравнению с надуманностью «страхов холодной войны», которыми руководствуются в России, реагируя на такую экспансию.

Ряд примеров противопоставления позиций России и Запада, представленных в докладе, можно продолжать. Противоречие фактов как метод анализа здесь свидетельствует скорее о противоречии оценок, что, в конце концов, перечеркивает «объективность» и «непредвзятость» и, следовательно, определяет релевантность тональности рассматриваемого дискурса. Мы полагаем, что тональность доклада определяется его релевантными смыслами, т. е. имплицативными сигналами, позволяющими суггестивно воздействовать на аудиторию. Совокупность этих сигналов, скрытых за объективностью разностороннего анализа, составляет перформативный эффект дискурса.

Можно добавить, что эта тональность, хоть и далека от риторики «холодных» 80-х, но как-то уж очень логично предшествует риторике «горячего» 2014, хотя еще нет «Майдана независимости», правительства Порошенко, «агрессии России», «аннексии Крыма» и проч. Так что же больше «беспокойло» в феврале 14-го французских парламентариев и экспертов, накануне развязанной против России информационной войны,

политической и экономической блокады, — факторы, мешающие усилению России, или сам факт этого усиления? Критический анализ парламентского дискурса, на наш взгляд, может дать ответ на этот вопрос. Именно он позволяет за фасадом «объективности» находить релевантную тональность «информативного» дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. В. О сопоставлении в прагматике // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2004. № 2—3. С. 18.
2. Алферов А. В. Релевантность высказывания // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2005. № 1. С. 54—59.
3. Алферов А. В. Когнитивное пространство интеракционного дискурса // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2007. № 3—4. С. 106—108.
4. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Интеракционное регулирование когнитивного пространства собеседников // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2013. № 2. С. 77—79.
5. Дейк ван Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: Либроком, 2013.
6. Кустова Е. Ю. Французское междометие: лексико-грамматические аспекты, семиогенез и интеракционные функции: дис. ... д-ра филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. — Пятигорск, 2010.
7. Кустова Е. Ю., Попова Г. Е., Червоный А. М. Субъектность, тональность и релевантность французского парламентского дискурса // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. 2014. № 4. С. 104—107.
8. Пинкер С. Язык как инстинкт. — М.: Либроком, 2009.
9. Пищева Т. Н., Виноградова Н. С., Недова А. Д. Образ России под углом зрения политических коммуникаций // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 107—121.
10. Попова Г. Е. Релевантность высказывания как единицы речевого взаимодействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. — Воронеж, 2004.
11. Ужегова З. А. Образ «новой» России на Западе: по материалам американской и британской прессы: дис. ... канд. культурологии. — М., 1999.
12. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). — Екатеринбург, 2001.
13. Assemblée Nationale-2013: Commission des affaires étrangères. Mercredi 18 décembre 2013 Séance de 9 heures 30. Compte rendu n° 29. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/14/cr-cafe/13-14/c1314029.asp> (25.04.2015).
14. Assemblée Nationale-2014: Rapport d'information n° 1793, déposé par la Commission des affaires étrangères sur la politique française et européenne vis-à-vis de la Russie et présenté par Mme Chantal Guittet et M. Thierry Mariani, députés. 12.02.2014. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/14/rap-info/i1793.asp> (25.04.2015).
15. Assemblée Nationale-2014a: Commission des affaires étrangères Mercredi 12 février 2014. Séance de 9 heures 45. Compte rendu n° 43. URL: http://www.assemblee-nationale.fr/14/cr-cafe/13-14/c1314043.asp#P8_238.
16. Dijk van T. A. Discours de l'élite et racisme // Cahiers de praxématique. 1991. № 17. P. 49—71.
17. Wolton D. Penser la communication. — Paris: Flammarion, 1997.

A. V. Alferov, E. Y. Kustova
Pyatigorsk, Russia

G. E. Popova
Astrakhan, Russia

ON THE RELEVANCE OF CONCEPTUALIZATION OF RUSSIA IN FRENCH PARLIAMENTARY DISCOURSE

ABSTRACT. The paper deals with discursive characteristics of the genre of parliamentary report, studies the implicit mechanisms of influencing the recipient of informative texts and analyzes the French parliamentary discourse containing evaluations of the relations between Russia, France and European Union before the Ukrainian crisis. The authors formulate the notions of the relevant meaning of an utterance, relevance vector of the influencing discourse and other constituents of the methodology of critical discourse analysis. Relevance and relevant meaning of political discourse are understood in the article as a performative effect in sense formation which is created by various explicit and implicit language and speech means and follows from the vague, implicit, suggestive concealed meaning of an utterance and discourse. The propositional content of a parliamentary report is enclosed by a framework of concentrers around its informative nucleus: argumentative, emotional-evaluative and rhetoric (discursive proper) ones. Such interpretation theoretically separates usually indivisible syncretic meanings which in the aggregate define the tone of the discourse, its relevance and performative potential. According to the authors, the tone of the report is made up of its relevant meanings, i.e. of implicit signals which make it possible to exercise suggestive influence upon the audience. The sum total of these signals disguised by objectivity of a multi aspect analysis makes up the performative effect of discourse.

KEYWORDS: parliamentary discourse; French parliamentary discourse; effect of informational discourse; relevance vector; relevant meaning; formation of meaning in political discourse; critical discourse analysis.

ABOUT THE AUTHOR: Alferov Aleksandr Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of Department of French Philology and Intercultural Communication, Director of Centre of Interactional Linguistics & Law and Institutional Communication, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Kustova Elena Yurievna, Doctor of Philology, Professor of Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Popova Galina Evgenievna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages for the Humanities, Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia.

LITERATURE

1. Alferov A. V. O sopostavlenii v pragmatike // Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-ta. 2004. № 2—3. S. 18.
2. Alferov A. V. Relevantnost' vyskazyvaniya // Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-ta. 2005. № 1. S. 54—59.
3. Alferov A. V. Kognitivnoe prostranstvo interaktsional'nogo diskursa // Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-ta. 2007. № 3—4. S. 106—108.
4. Alferov A. V., Kustova E. Yu., Popova G. E. Interaktsional'noe regulirovanie kognitivnogo prostranstva sobesednikov // Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-ta. 2013. № 2. S. 77—79.
5. Deyk van T. A. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. — M. : Librokom, 2013.
6. Kustova E. Yu. Frantsuzskoe mezhdometie: leksiko-grammaticheskie aspekty, semiogenez i interaktsional'nye funktsii : dis. ... d-ra filol. nauk / Voronezh. gos. un-t. — Pyatigorsk, 2010.
7. Kustova E. Yu., Popova G. E., Chervonyy A. M. Sub'ektnost', tonal'nost' i relevantnost' frantsuzskogo parlamentskogo diskursa // Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-ta. 2014. № 4. S. 104—107.
8. Pinker S. Yazyk kak instinkt. — M. : Librokom, 2009.
9. Pishcheva T. N., Vinogradova N. S., Nedova A. D. Obraz Rossii pod uglom zreniya politicheskikh kommunikatsiy // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2010. № 4. S. 107—121.
10. Popova G. E. Relevantnost' vyskazyvaniya kak edinitnyy rechevogo vzaimodeystviya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Voronezh. gos. un-t. — Voronezh, 2004.
11. Uzhegova Z. A. Obraz «novoy» Rossii na Zapade: po materialam amerikanskoj i britanskoj pressy : dis. ... kand. kulturologii. — M., 1999.
12. Chudinov A. P. Rossiya v metaficheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000). — Ekaterinburg, 2001.
13. Assemblée Nationale-2013: Commission des affaires étrangères. Mercredi 18 décembre 2013 Séance de 9 heures 30. Compte rendu n° 29. URL : <http://www.assemblee-nationale.fr/14/cr-cafe/13-14/c1314029.asp> (25.04.2015).
14. Assemblée Nationale-2014: Rapport d'information n° 1793, déposé par la Commission des affaires étrangères sur la politique française et européenne vis-à-vis de la Russie et présenté par Mme Chantal Guittet et M. Thierry Mariani, députés. 12.02.2014. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/14/rap-info/i1793.asp> (25.04.2015).
15. Assemblée Nationale-2014a: Commission des affaires étrangères Mercredi 12 février 2014. Séance de 9 heures 45. Compte rendu n° 43. URL: http://www.assemblee-nationale.fr/14/cr-cafe/13-14/c1314043.asp#P8_238.
16. Dijk van T. A. Discours de l'élite et racisme // Cahiers de praxématique. 1991. № 17. P. 49—71.
17. Wolton D. Penser la communication. — Paris : Flammarion, 1997.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.